

Бахыт КАИРБЕКОВ

СЕРЕБРО АМАЛЬГАМЫ

Счастливы человек, который может опереться о плечо друга. Даже будучи в небытии.

Вернее, тем более – если уже далеко.

Даль может быть преодолена, если тебе в этом подмога друга.

Друга, который помнит. Тебя, твой облик, твой труд, твою любовь и веру.

Когда-то я обозначил портрет такого друга, назвав его «зерцалом чужих судеб».

Да, для Адольфа Арцишевского каждый встретившийся на его пути талант – благодатный материал. И чем благородней металл, из которого он расплавлен, тем блистательней отражение в этой удивительной амальгаме, с которой сравнимо разве что венецианское стекло, секрет изготовления которого хранился веками.

Секрет Адольфа – в любви к ближнему, достойному его пера (а нам известно, что стоит за его обманчивой лёгкостью), в благоговейном отношении к каждому виду творчества – отсюда и благодушие к персонажу (благое!), щедрое и оправданное именно знанием подковерной зависти и закулисных сплетен – чудовищного хвоста славы, и это не только в этой Театральной повести... Писатель, по гамбургскому счёту (термин В. Шкловского), этими заслуженными дифирамбами «зализывает» нанесённые раны, в нашем случае – Рубена Суреновича Андриасяна, человека, возглавлявшего главный театр в своей судьбе в течение тридцати семи лет. Я уж не говорю о прочих, не менее драматичных.

Адольф не открывает завесу всех интриг, присущих любой сцене, на которую рискнул выйти с открытым забралом Артист, Художник, Поэт. Это никогда не входило в его планы. Ему важен свет, исходящий от Личности, аура созидания, магнетизм таланта, вбирающий всех (знающих толк в творении чуда) без остатка – хищно и навсегда, обращая их в свою кровь и плоть.

Эта повесть, в отличие от многих зеркал-портретов Арцишевского, помимо всего озарена памятью об ушедшем друге, с которым счастливо свела судьба. Это – дань ровеснику, улыбчивому гуру-острослову. И важное выхваченное из текста признание автора: «мы были нужны Андриасяну как воздух».

Вот оно – определение, с которого я начал это предисловие – плечо, готовое подставиться не только в беде, но главное – в сотворчестве.

Эта повесть о сотворчестве.

Спасибо автору за то, что читатель её становится сотворителем памяти вроде как о былом, ушедшем, но не потерянном, а возрождённом и возрождаемом каждый раз, когда соприкасаешься с настоящим произведением в настоящее время.

